

ГЛАЗА ХАСКИ

АНТОНИО САНТА-АНА

СЕРИЯ
НЕДЕТСКИЕ
КНИЖКИ

16+

Антонио Санта-Ана
Глаза хаски
Серия «Недетские книжки»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69980923

Глаза хаски: ИД «Самокат»; Москва; 2024

ISBN 978-5-00167-576-1

Аннотация

Когда Эсекьелю поставили диагноз СПИД, он остался один, без семьи и друзей – те отвернулись от него. Его жизнь была полна презрительных взглядов и упреков. Единственное, что помогало ему справляться с болезнью, – это его пес хаски Сача, виолончель и внезапное появление младшего брата, давшего ему поддержку, принятие и любовь, в которых Эсекьель нуждался все эти годы...

Эта книга больше, чем история о юноше, который болеет СПИДом и воссоединяется со своим младшим братом. Это история, которая показывает важность доверия в семье и показывает, как все рушится, когда тебя не принимают.

Повесть аргентинского писателя Антонио Санта-Ана «Глаза хаски» вышла в 1998 году и стала классикой латиноамериканской молодежной литературы, пополнив списки внеклассного чтения в школьной программе. Книга стала бестселлером в Латинской Америке и продалась тиражом свыше 1 миллиона экземпляров.

Впервые издаётся на русском языке в переводе Дарьи Синицыной.

5 причин купить книгу «Глаза хаски»:

- Новинка в серии «Недетские книжки», поднимающей острые и важные темы;
- Бестселлер в странах Латинской Америки, продано свыше 1 миллиона экземпляров, входит в списки внеклассного чтения;
- Спустя 25 лет после выхода книга не теряет своей актуальности, так как проблема ВИЧ и СПИДа уже приобрела масштабы пандемии;
- Темы, которые касаются многих: предрассудки людей в отношении ВИЧ и СПИДа, отношения в семье, где есть заболевший человек; важность доверительных отношений, взаимопонимания, поддержки и принятия от родственников и друзей; тема одиночества и отречённости, когда человек вынужден самостоятельно справляться с заболеванием; тема смерти близкого человека, когда он медленно угасает от неизлечимой болезни;
- Блистательный перевод с испанского Дарьи Синицыной.

Содержание

1	7
2	11
3	13
4	15
5	17
6	19
7	22
8	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Антонио Санта-Ана

Глаза хаски

Antonio Santa Ana

LOS OJOS DEL PERRO SIBERIANO

© Antonio Santa Ana, 1998

© Дарья Синицына, перевод, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательский дом
«Самокат», 2024

* * *

Конечно же, Сандре

*Разве не в этом как раз и состоит
предназначение литературы – лишать покоя?*

Антонио Табукки

Нет ничего хуже, чем понять, что у тебя что-то есть, и сразу же это потерять.

У меня так было с братом.

Моему брату исполнилось бы вчера тридцать один, но он умер пять лет назад.

Он ушел из дому в восемнадцать; мне тогда было пять. Родители так и не простили ему ни того, ни другого – ни что он ушел, ни что умер.

Это было бы даже смешно – если бы не было так ужасно.

А так – нет, не смешно, к сожалению.

Простите, если я сбивчиво изъясняюсь. Хочу сегодня вечером рассказать эту историю целиком.

Завтра я уезжаю.

Может, если у меня получится проговорить всё вслух, хотя бы раз, мне будет легче сесть в самолет.

Но не знаю, получится ли.

1

Мы живем в Сан-Исидро, в особняке начала двадцатого века, возле реки.

Дом огромный, двухэтажный, с просторными комнатами и высокими потолками. На первом этаже небольшой холл, гостиная, столовая с камином, кабинет отца с библиотекой, кухня и кладовки. На втором – спальня родителей, комната брата и моя комната, комната для маминых дел (ее всегда так называли: «комната для маминых дел»; я всю жизнь тут живу и до сих пор не знаю, что это за дела такие) и еще пара комнат, где никто не живет. Ну, и ванные, конечно, тоже есть – по две на каждом этаже.

Дом окружен большим садом. Ближе к дороге растут сосны и один грецкий орех, а в глубине – мамины розовые кусты и травы. Мама заботится о своих травах с любовью и прилежанием, которые нам не передались. Я преувеличиваю, но несильно. У нее растут душица, розмарин, шалфей, базилик, три вида эстрагона, тимьян, мята, майоран, и наверняка я еще что-то забыл.

Весной и летом она пускает их в готовку свежими, а в начале осени высушивает на солнце, закупоривает в склянки и ставит в темном сухом месте.

Не знаю, зачем я вам все это рассказываю, никакого отношения к моей истории и вообще никакого значения это не

имеет. Но всякий раз, представляя маму, я вижу, как она в перчатках и соломенной шляпе или платке стоит на коленях, держит садовые ножницы и разговаривает со своими растениями.

В детстве самые радостные минуты у меня были, когда она звала меня с собой в сад. Объясняла, где какое растение, как за ними ухаживать, как избавляться от тли и других вредителей, как подстригать розовые кусты.

Я не слишком интересовался садоводством, но чувствовал себя счастливым просто потому, что она хотела разделить со мной свои любимые старания.

В любую погоду я мог часами стоять, согнувшись над клумбами и грядками, рыхлить землю или подкармливать цветы удобрениями.

Может быть, вы при словах «счастливое детство» вспоминаете какой-нибудь поход или каникулы. Не знаю. Я вспоминаю запах земли и трав. Даже сейчас, столько лет спустя, стоит мне понюхать розмарин – и я уже счастлив. Потому что это напоминает мне: было время, пусть и совсем недолгое, когда мы с мамой друг друга понимали.

* * *

С отцом отношения были гораздо проще (они и сейчас такие). Я занимался своими делами, а он своими. Точнее, если я получал хорошие оценки, не отлынивал от спорта (плава-

ния и регби), слушался его и уважал, то и проблем не было. А он... ну, он был занят своим бизнесом и всякими другими вещами, про которые он нам не рассказывал.

Мой отец в свои шестьдесят пять – вполне крепкий мужчина. В молодости он был одним из лучших игроков в клубе «Сан-Исидро», и сорок лет спустя, когда я играл в регби за детскую команду, его там все еще помнили. У него очень тяжелый взгляд; стоит ощутить его на себе – и ты уже раздавлен. Обладатель такого взгляда идет по жизни, свободно топча все, что попадается на пути. И говорить не стоит, что я до ужаса боялся его смертоносных голубых глаз.

Мой брат был его любимцем, его первенцем, да еще и первым внуком в семье. На фотографиях, где маленький Эсекьель вместе с отцом, глаза отца светятся счастьем, спокойствием и нескрываемой гордостью.

Эсекьель родился весом больше четырех кило, у него были мамины черные волосы и папины голубые глаза. Взял лучшее от обоих родителей – правильный овал лица, прямой нос. Прелестный младенец.

Через четыре года мама опять забеременела, но ребенок – девочка – умер при родах. Тогда они решили не заводить больше детей. И были очень удивлены новой беременностью. Эсекьель превосходил все ожидания, отлично учился, был образцовым сыном – лучшего и желать было нельзя. Как вы понимаете, на третий раз родился я. Много лет спустя Эсекьель признался, что возненавидел меня с первой минуты.

Возненавидел нового ребенка, который получился не большим и не красивым (у меня всё наоборот: я шатен, как отец, с мамиными карими глазами). Возненавидел за то, что я нарушил волшебство, сместил его из центра внимания, где он находился тринадцать лет.

2

Кажется, это мое самое первое воспоминание. Тот день, когда Эсекьель ушел из дому. Я не помню саму ситуацию, но помню, что сидел в своей комнате и мне не разрешали выйти, а в воздухе висела какая-то напряженность.

Потом я не видел брата до следующего семейного праздника. По-моему, это был мамин день рождения.

Когда я спрашивал, где Эсекьель, мне отвечали – учить, или еще как-то отговаривались; в моей семье это хорошо умеют.

Я, конечно, понимал, что он с нами не живет: такое от ребенка, даже пятилетнего, не скроешь. Я тайком осмотрел его комнату, увидел, что одежды нет на месте, и умыкнул его гоночную машинку «Скалетрикс», которую он никогда мне не давал. Шло время, Эсекьель не появлялся и не возмущался, и мне становилось все яснее: что-то не так.

Но меня это – чего уж там – не слишком беспокоило. Просто новая ситуация, не такая, как обычно. И я собирался воспользоваться ею по полной программе.

* * *

Когда мы жили вместе, я восхищался Эсекьелем, он был

моим героем, большим, сильным, все его слушали.

Обращались с ним как с важным человеком. Как со взрослым.

Я не знал тогда, да и сейчас не знаю, что движет детским мозгом. Но, видимо, я решил, что, если уж брата нет на месте, все внимание в доме автоматически достанется мне. И, в общем, был прав: оно и досталось, хоть и не совсем так, как я ожидал.

Я занял новое место, но не благодаря собственному присутствию, а из-за отсутствия Эсекьеля.

Родители думали, что ошиблись в Эсекьеле, но уж со мной ошибок не повторят.

* * *

Я сказал, что первое мое воспоминание – это когда Эсекьель ушел из дому. Это правда. Но у меня есть еще и «вживленные воспоминания», истории, которые год за годом рассказываются, обычно шутливым тоном, на семейных торжествах. Так я узнал, что, когда мне было три года и я болел, никто не мог уложить меня, кроме Эсекьеля. Он меня укачивал и пел песню.

Вот такие примерно истории. Вы и сами знаете, родственники обожают рассказывать нам всякие глупости, особенно позорные для нас (позорными я тут делиться не стану).

3

Считается, что друзей мы выбираем. Насчет Мариано я не уверен – то ли я его выбрал, то ли, когда я пришел в этот мир, он уже поджидал меня.

Его отец учился с моим отцом, они подружились, стали вести вместе дела, и до сих пор каждую субботу встречаются в клубе и играют в теннис.

Мы с Мариано ходили в один детский сад, в одни кружки, почти всю начальную школу сидели за одной партой. Пока мне не исполнилось одиннадцать, мы были не разлей вода.

Однажды я возвращался от Мариано. Было часов шесть вечера. Всю дорогу до дома – два квартала – я пинал опавшие листья, поэтому точно помню, что стояла осень.

В тот день мы после школы ходили в клуб – это я тоже хорошо помню, потому что зашел домой через кухню, снял грязные кроссовки и положил в раковину для стирки. Если бы я натоптал в холле, меня бы точно лишили наследства.

Поэтому я так ясно помню, что вошел с кухни.

Поэтому они меня и не слышали.

Я собирался подняться к себе, но из отцовского кабинета слышал голос Эсекьеля, открыл дверь поздороваться и увидел, что мама стоит, закрыв лицо руками. На звук она подняла глаза – они были залиты слезами.

Я не понимал, что происходит, и стал растерянно огляды-

ваться. Эсекьель опустил голову и на меня не смотрел.

А вот отец еще как смотрел. Тем самым взглядом, которого я всю жизнь старался избежать.

– Иди к себе, – сказал он. Я не двинулся с места. Я ничего не понимал.

Почему мама плачет? Почему Эсекьель не здоровается?

«И-ДИ-К-СЕ-БЕ-Я-СКА-ЗАЛ». Думаю, у гремучей змеи вышло бы ласковее произнести это, чем у отца. В каждом слоге было столько злости, что я не стал дожидаться повторения. Закрыв дверь и убежал. Вспомнил – хотя прошло несколько лет – день, когда Эсекьель уехал от нас.

И тогда, и сейчас меня усадили к себе, но на сей раз в воздухе витала не напряженность, а жестокость.

Не знаю, как поступили бы вы на моем месте. Я первым делом позвонил Мариано.

Трубку сняла его мама:

– И пятнадцати минут не прошло, как расстались, – весело сказала она. – Даю его.

Я по мере сил пересказал Мариано, что произошло. Его здорово насмешило, как я передразниваю отца: «И-ди-к-се-бе-я-ска-зал».

Отсмеявшись, он заметил:

– Кажется, твой братец снова во что-то влип.

Где-то за год до этого мы с Мариано узнали, почему Эсекьель ушел из дому. Как я упоминал, наши отцы дружили, и его отец рассказал все маме Мариано, а та – его сестре Флоренсии (она была старше нас на три года) в качестве примера: вот от каких опасностей нужно держаться подальше. Естественно, как только Флоренсия оказалась в курсе дела, она доложила нам. Не по доброте душевной, а за мзду, само собой. У Флоренсии всегда был талант к бизнесу.

История была такая: с пятнадцати лет Эсекьель встречался с девушкой по имени Вирхиния – ее отец тоже дружил с нашим. В нашем кругу довольно трудно общаться с кем-то, если не общаются семьи: или отцы играют вместе в клубе, или они однокашники, или ведут общие дела, или мамы дружат, все в таком духе. В общем, Эсекьель встречался в Вирхинией, и она даже одно лето ездила со всеми нами к бабушке. Это не «вживленное воспоминание», я сам видел фотографии, хотя имя Вирхинии с некоторых пор оказалось у нас под запретом.

Но я отвлекся. Главное вот что: Вирхиния забеременела, и беременность эту прервали.

Когда ее отец узнал, он явился к моему отцу объясняться и требовать, чтобы Эсекьель женился на его дочери.

Папа, со свойственным ему добродушием (шучу) стал за-

ставлять Эсекьюля жениться на Вирхинии.

Эсекьюль наотрез отказался, и они дотепорили до того, что Эсекьюль ушел из дому и бросил учебу.

– Кажется, твой братец снова во что-то влип, – сказал Мариано, и я подумал, что, скорее всего, он прав.

В тот вечер меня не позвали ужинать. На следующий день за завтраком все было как обычно, никто ничего не говорил.

Но по лицам родителей было заметно, что они не спали.

Я, само собой, не стал расспрашивать. Хотя логичнее было бы сказать:

– Послушайте, ну что тут такого? Я член семьи, Эсекьель мой брат, и, если он опять напортачил, я имею право знать. Нечестно, что я обо всем узнаю от чужих людей. И мне уже десять лет. Я заслуживаю объяснений. Расскажите всё как есть.

Но я не стал расспрашивать. Я слишком ценил свою маленькую жизнь, чтобы нарываться на отцовский гнев.

Про Эсекьеля и раньше-то не особо говорили, а теперь при одном упоминании его имени искры летели.

Я понятия не имел, что случилось, и мне казалось, родители как-то уже слишком сильно реагируют. Мама забросила сад, так что он совсем зарос. А отец был в таком скверном настроении, в каком раньше я его не видел.

На меня никто не обращал внимания, и, воспользовавшись этим, я стал подслушивать их разговоры – и ничего не узнал. Мама только плакала, а отец ругался и все время приговаривал:

– За что мне это? За что?! – а потом перечислял все, что

он дал Эсекьелю: школу, путешествия, спорт и так далее. Как будто у него где-то был в столбик записан перечень образовательных услуг.

Я думал, что Эсекьель насолил лично ему – он ведь спрашивал не «За что это нам?», а «За что это мне?»

Мы с Мариано стремились докопаться до сути дела, но, сколько бы мы ни подкупали Флоренсию, она тоже ничего не смогла выяснить. Если мои родители не рассказали отцу Мариано – значит, дело серьезнее, чем мы думали.

Оставалось два выхода: спросить у самих родителей или у самого Эсекьеля.

Я предпочел второй выход.

Нужно было только осуществить задуманное. Я никогда не бывал у Эсекьеля и даже не знал, где он живет. Прошло дня три или четыре, прежде чем я отыскал адрес в маминой записной книжке. И тогда я сел на 60-ый автобус и поехал из Сан-Исидро в Палермо. Дорога заняла у меня сорок минут.

Но она изменила всю мою жизнь.

Множество книг посвящено путешествиям – я имею в виду не полеты в космос и не пиратские приключения, а такие путешествия, из которых герой возвращается другим человеком.

Если я когда-нибудь надумаю писать автобиографию (предположим, она кому-то интересна), нужно будет уделить особое внимание этому пути, хотя я даже не помню, в какой день проделал его.

Я тогда впервые соврал родителям. Мариано знал, куда я еду, и вызвался меня прикрыть. Якобы я зайду к нему после тренировки по регби – так у меня на все про все будет чуть больше трех часов.

Должен признаться: у меня ни разу не промелькнула мысль, что Эсекьяля может не оказаться дома. Я еду к нему узнать, почему наша семья несчастна, так что он просто обязан быть на месте. И он был на месте.

Когда Эсекьяль открыл, на меня прыгнул огромный пес хаски (потом я понял, что он не такой уж и огромный, просто я никогда не ладил с собаками, а они со мной).

– Я не з-з-знал... что у тебя есть с-с-собака... – заикаясь, выговорил я, пока пес облизывал мне лицо.

– Тут вы квиты, – сказал Эсекьяль. – Он тоже не знал, что у меня есть брат. Зайдешь? Или так и будешь стоять в дверях?

Я зашел. Он провел меня в столовую, я сел на стул. Повисло неловкое долгое молчание. Нарушил его Эсекьель:

– Предки знают, что ты здесь?

Я покачал головой.

– Отлично, отлично. Юное поколение быстро учится. В десять лет ушел без спросу – представляю, что ты будешь творить в моем возрасте, – сказал он со смехом.

Я обиделся. Я пришел во всем разобраться, а не чтобы он со мной разбирался. Пришел узнать, что такого сделал этот бессердечный тип, что мама плачет весь день напролет. Я набрался смелости и спросил:

– Давно у тебя эта... ну, собака?

Эсекьель перестал улыбаться. До этого мой приход его забавлял. Он понимал, что я явился не просто так, только не решаюсь перейти к делу. Но про собаку все же рассказал:

– Года полтора назад мы с Николасом ходили в гости к его подруге. Помнишь Николаса? Ну, не суть. В общем, эта подруга разводит хаски. Моего зовут Сача. Он был самый последний в помете и самый маленький. Поэтому его собирались усыпить.

– Seriously, усыпить? Он же такой красивый!

– Красивый, скажи? – согласился Эсекьель и погладил пса. – Но заводчики всегда убивают последнего щенка в помете. Такие собаки самые слабые и самые непородистые. А заводчики зарабатывают на породе, это бизнес. Им непородистые собаки ни к чему. Если посмотреть на других хаски,

то заметно, что у этого уши побольше...

– А еще у него глаза карие, – перебил я.

– Это неважно. Мне как раз и нравятся карие. В глазах хаски есть какая-то особая правда, как будто им известны все наши тайны. Тьфу, это уже мои бредни, не обращай внимания.

– Как же так их убивают?

– Люди никогда не понимали тех, кто отличается от других. В одно время тех, кто отличался, сажали в сумасшедший дом, потом – в концлагеря, – Эсекьель вздохнул. – Люди боятся того, чего не понимают. Если общество отторгает непохожих, какая судьба может ждать собаку, у которой уши больше, чем надо?

Опять повисла тишина, и нарушил ее я:

– Почему предки на тебя злятся? – выпалил я на одном дыхании.

– Потому что у меня СПИД, – ответил Эсекьель.

В тот вечер я сошел с автобуса за несколько остановок до дома и долго бродил по кварталу.

Я прожил там всю жизнь, но все вокруг выглядело теперь как-то странно. Как огромная декорация. А я был актером. Актером массовки.

Я чувствовал себя одновременно тяжелым и легким, если такое вообще возможно. Мне было жарко и холодно. Я потел, и уши у меня горели.

Наконец, гораздо позже, чем следовало, я собрался домой. Испачкал спортивную форму, чтобы не вызвать подозрений, и постарался придумать убедительную историю, почему я задержался. У меня никогда и не спрашивали, но тут я знал, что придется врать, и от этого чувствовал себя неуверенно.

Дома никого не было. На двери холодильника я нашел записку: родители сообщали, что ушли (не помню – куда), ужин могу разогреть в микроволновке сам. Я не стал ужинать.

Пошел к себе – мне нужно было о многом подумать. Не знаю, сколько времени я пролежал на кровати с выключенным светом. Потом зазвонил телефон.

– Давно пришел? Я думал, ты позвонишь. Как прошло? – Конечно, это был Мариано.

– Нет, я только вернулся, – пробормотал я.

– И чего? Что он тебе сказал? Давай рассказывай.

– Да ничего... его не было. Дома не было, – соврал я как можно убедительнее.

– А чего ходил тогда так долго?

Такие они, друзья – человек хочет побыть один, подумать, повесить уже трубку, а они начинают его допрашивать.

– Да я... это... заблудился. Заблудился я. Не нашел остановку обратную. Ушел в другую сторону. – Я и сам себе не верил, голос у меня предательски дрожал.

– У тебя все в порядке? Какой-то ты странный, – не унимался Мариано.

– Я в туалет шел, когда ты позвонил.

– Ах вот оно что! – Мариано засмеялся. – Ну, иди, а то еще из-за меня обделаешься. До завтра!

И повесил трубку. Наконец-то.

Мне о многом нужно было подумать. Я многого не понимал.

Я включил телевизор – может, отвлекусь ненадолго. В голове у меня как будто образовался бесконечный клубок. По крайней мере, в ту минуту мне он казался бесконечным.

Показывали «Приключения Тарзана в Нью-Йорке» – очередной ужасный фильм с очередным ужасным Тарзаном. Сюжет там такой: браконьеры ловят Читу и увозят ее на корабле. Тарзан проникает на другой корабль, чтобы ее спасти, и попадает в Нью-Йорк. Приплыв, он бросается с корабля в воду и взбирается на мост (тот, что во всех фильмах показы-

вают) и зависает там, как дурак, пока мимо проносятся машины, а люди что-то ему кричат на незнакомом языке. Потом он знакомится с ослепительной блондинкой (Джейн) и спасает Читу. Но это все неважно. Главное, что я тогда чувствовал себя, как Тарзан на мосту.

Голый, а вокруг всё непонятное.

Эсекьель долго смотрел на меня, а потом снова стал гладить Сачу.

Потому что у меня СПИД потому что у меня СПИД потому что у меня СПИД. Слова отдавались в голове.

Потому что у меня СПИД потому что у меня СПИД потому что у меня СПИД. Рот у меня был открыт, вид наверняка огорошенный.

– Как ты заразился? – срывающимся голосом спросил я.

Он снова пристально посмотрел на меня. В глазах промелькнул знакомый блеск. В эту минуту я заметил, как сильно он похож на отца. Гораздо сильнее, чем оба они согласились бы признать.

– Так, так, так. Ну вот все и выяснилось. Перед нами будущий заводчик собак. Тебя отец прислал? – Он на минуту замолчал, а я был не в силах ничего пролепетать в ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.